

Высокоуважаемому Кошачи Терентьеву
Идаменкову
от шараго предочнаго
Генрикъ Сенкевичъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

Письма изъ Африки.—Письмо
изъ Венеціи.—Письмо изъ Ри-
ма,—Нерви.

Переводъ В. М. ЛАВРОВА.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. уѣв. Т-ва И. Н. Кушперевъ и К^о.
Пименовская улица, собет. домъ.

1894.



А
Генрикъ Сенкевичъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

Письма изъ Африки.—Письмо
изъ Венеции.—Письмо изъ Ри-
ма.—Нерви.

Переводъ В. М. ЛАВРОВА.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.



МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. утр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская улица, собст. домъ.

1894.



ПИСЬМА ИЗЪ АФРИКИ.

Каиръ, 18 января 1891 года.

I.

Въ Неаполь.—Ожиданіе.— Канунъ Рождества.— Шлиманъ.— Равенна.—
Море.— Мессинское ущелье.— Путешественники.— Два дня качки.—
Утро.— Погода.— Даміетта.

Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія описывать Египетъ,—
этихъ описаній такъ много, что изъ нихъ можно соста-
вить другую Александрійскую бібліотеку. Посылаю вамъ
первую пачку моихъ писемъ и думаю, что ограничусь
только своими впечатлѣніями. Разсчитываю, что такъ бу-
детъ лучше и для вашего изданія, и для меня.

Однако, мнѣ трудно приняться теперь и за эту легкую
работу. Я перенесъ тяжелую горловую болѣзнь, которая
папала на меня за Каиромъ, за тридевять земель отъ
всякой врачебной помощи. Поспѣшное возвращеніе на-
задъ, среди клубовъ пыли пустыни, ухудшило мое поло-
женіе до такой степени, что рѣшительный кризисъ мино-

валъ только нѣсколько дней тому назадъ. Рука еле держитъ перо, мысли плохо вяжутся въ головѣ. Но такъ какъ я обѣщалъ вамъ свои письма къ первой четверти года, то пишу это письмо, чтобы положить начало *).

Двинулся я изъ Неаполя на англійскомъ пароходѣ *Равенна* (*Peninsular and Orient Company*) въ самый день Рождества Христова, но уже подъ вечеръ. Пароходъ этотъ останавливается только у береговъ Египта и затѣмъ идетъ въ Индію. Меня сразу обвѣяло дыханіе экзотическихъ путешествій. На палубѣ подобныхъ пароходовъ прямо наталкиваешься на лица, которыхъ не встрѣчалъ во время поѣздокъ по Европѣ, слышишь не европейскій говоръ. Экипажъ *Равенны* состоитъ почти исключительно изъ индусовъ. Нѣсколько англійскихъ офицеровъ, два-три матроса той же расы, остальное—темнокожія фигуры въ бѣлыхъ одеждахъ, въ тюрбанахъ, стройныя, худыя, съ маленькими, почти дѣтскими, руками и ногами, съ обезьяньими движеніями.

Погода хорошая, небо голубое, гладь моря загибается, какъ полированная металлическая пластинка, но не волнуется. Вокругъ раздаются монотонные голоса индусовъ, тянущихъ веревки; пароходъ могучимъ рычаніемъ даетъ знать, что минута отъѣзда наступила, и содрагается всѣмъ

*) Послѣ этого перваго письма, помѣщеннаго въ газетѣ *Storno* 31 января 1891 г., послѣдовалъ значительный перерывъ—до конца августа.

корпусомъ. Поднимають помость, по которому входятъ на палубу; стоящія внизу лодки съ различнаго рода продавцами тихо отплываютъ въ сторону; пароходъ рычитъ во второй разъ, наконецъ: *go ahead!*—мы двигаемся.

Во всякомъ случаѣ, я предпочитаю ѣхать, чѣмъ ждать. Неаполь—это чудо міра, сонъ античнаго грека, но ждать вездѣ скверно, даже въ Неаполѣ. Наконецъ, мы хотѣли «*vedere Napoli e poi...* Египеть»,—значить, намъ было скучно. Послѣдній день тяжелъ въ особенности, потому что это былъ канунъ Рождества. Сидя въ залѣ отеля на *Piazza Umberto*, я мечталъ о закопанскомъ лѣсѣ, ясно освѣщенныхъ окнахъ, о радостныхъ крикахъ дѣтей при видѣ елки, и думалъ, что этого не замѣнить ни *Santa Lucia*, ни великолѣпный султанъ Везувія, который отъ времени до времени вспыхивалъ на темномъ небѣ.

Такія мечтанія о далекой родинѣ—словно туманъ. Они омрачаютъ свѣтъ и дѣлаютъ угрюмымъ самый свѣтлый день. А пока я сидѣлъ въ этомъ туманѣ, подавленный унылыми думами, въ гостиницу внесли умирающаго человека. Тащили его четверо; руки его безсильно болтались, глаза были закрыты, лицо землисто-сѣраго цвѣта. Эта печальная группа проскользнула какъ разъ около меня, а черезъ минуту къ моему креслу подошелъ распорядитель гостиницы и спросилъ:

— Вы знаете, кто этотъ больной?